

Соб. Кунейре, сблосны, 1968, 6 февр.

3.

ВОЗВРАЩАЮСЬ в Ереван, чтобы «досмотреть» несколько спектаклей. И вновь окунаюсь в атмосферу театральности, столь характерную для столицы Армении.

Любовь к театру складывалась издревле и овладевала всеми слоями общества. Армянский театр числился в своих драматургах и Артавазда второго, и средневекового поэта О. Плуза, и классициста П. Минаяна, и демократа-просветителя Х. Абовяна, и замечательных реалистов Г. Сундукяна, А. Пароняна, А. Ширванзаде, а среди тех, кто создавал эстетику сценического искусства, были и революционный демократ М. Налбандян, и большевики С. Шаумян, С. Спандарян. В тяжких условиях жизни армян на чужбине театр становился олицетворением и источником национального самосознания, порой единственным способом защиты и сохранения своей культуры.

В годы Советской власти любовь к театру стала общенародной.

Только за последнее время в Ереване возникло несколько новых театров, в том числе два молодежных, азербайджанский и уникальный театр «Дружба». Последний создал инициативный и энергичный руководитель Армянского театрального общества режиссер Р. Капаланян. «Дружба» приглашает лучшие театры из многих городов страны. Здесь успешно прошли вахтанговская «Принцесса Турандот», тбилисский «Король Лир» с Серго Закариадзе, бакинский спектакль «Антоний и Клеопатра» и другие постановки.

Ереван видит многое. Мне довелось познакомиться здесь с гостями из Болгарии — Софийским и Варненским армянскими театрами, которые сохраняют и пропагандируют национальную культуру среди болгарских армян. В Ереване выступали известные шансонье Шарль Азнавур, Роза Армен. Примадонна нью-йоркской «Метрополитен-опера» Лили Чукасян пела в европейских операх, идущих в Ереванском оперно-балетном театре. Чудесное меццо-сопрано глубокого, буквально органичного звучания особенно пора-

вило меня, когда Чукасян пела соло и в дуэте с прекрасной вокалисткой Гоар Гаспарян в сопровождении хоровой капеллы.

Это было в дни, когда Армения отдавала дань памяти Егише Чаренца — боевого коммуниста, первого армянского поэта, воспевшего Ленина в талантливых строфах поэм и стихотворений. Его юбилей отмечала вся Советская страна. В Ереване состоялись торжества, на которые съехались поэты и литераторы со всех концов Советского Союза и из-за рубежа.

и обязывающее имя К. С. Станиславского.

ПОЛОЖЕНИЕ русского театра в братских республиках вдвойне сложное. При том, что он должен быть представителем великой сценической культуры, породившей или оплодотворившей все национальные театры, ему приходится еще «конкурировать» со своими «наследниками», которые в силу исторических условий сконцентрировались на сцене все лучшее, что дала в этой области национальная куль-

человек, как умен и сколь трудолюбив в своем нелегком деле! Не то чтобы он надрылся в деятельности, нет, все спорится грациозно, без натуги, но постоянное напряжение мысли, вернее, замыслов, так и сквозит в безукоризненной пластике нескончаемого обмана. Этот Глумов даже не изображает кого-то другого, на себя не похожего, ну, там подхалима, обольстителя. Не нужно особо стараться, чтобы околпачить Мамаевых, Турусиных, Городулиных, Крутицких, и не потому, что они так уж глупы: жажда ка-

театра видны по крайней мере два несдвигающихся потока — одни исполнители играют по старинке, не чураясь наигрыша, используя штампы, что очень мешает другим, более одаренным, органичным актерам.

Я не стану называть имена, тем более что в самом театре уже сознают необходимость укрепить труппу и режиссерскую коллегию. Но было бы несправедливым не упомянуть, что в «Городе ветров» сильно изображен герой спектакля Матвей Гороян (Г. Коротков), остро играет меньшевика Листикова Ю. Фролов, привлекательна Н. Егорова в роли Нины Владимировны, что в спектакле есть ряд волнующих сцен, увлекających зрителя, со звучных его революционному мировосприятию.

Спектакль, несмотря на погрешности, в конечном итоге достигает своей цели: он звучит как поэтический реквием в память замечательных большевиков — 26 бакинских комиссаров, чья славная жизнь была оборвана интервентами в самом начале пути, но так много пользы принесла Советской власти, родному народу...

НА ПРИВОКЗАЛЬНОЙ площадке Еревана стоит монумент, изображающий легендарного Давида из Сасуна, героя армянского эпоса. Сами слова «стоит» и «монумент», при всей их реальности, ничего не означают, когда видишь, как расстался в неистовой скачке Давидов конь, как сам Давид, отпустив поводья, обеими руками сжимает рукоять громадного меча, занесенного с такой мощью, что уже физически ощущаешь вулканическую силу удара, если ему придется обрушиться на врага.

Мне видится в этом прекрасном произведении искусства не только облик народного героя, негибачего, непокорного, вечно живого, стремительно движущегося вперед. Я вижу в этом и образ самого движения, неуклонного, непрестанного, вечно движущего вперед армянского народа, движения его искусства, красочного, содержательного, уходящего глубинными корнями в далекое прошлое, а пышной кроной — в будущие времена.

М. ЛЕВИН.

В АТМОСФЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ

Да, недаром Егише Чаренц одержал победу: сказало:

Мне снова петь. И что бы
ни твердили,
Не оторвут от Ленина меня...
И лиру недруг мой сломить
не в силе,

И звук растет, еще сильней звеня!..

Егише Чаренц дорог нам и как автор превосходной комедии — национальной буффонады «Кавказ-тамаша» («Кавказское обозрение»), этой армянской «Мистерии-буфф», озорно, с ликующей злостью разоблачающей армянских меньшевиков-дашнаков, предававших и продававших свой народ отечественным и зарубежным капиталистам. Прав был Ваграм Папазян, когда в воспоминаниях о своей постановке «Кавказ-тамаша» писал: «Люди, подобные Чаренцу, навсегда остаются в памяти благодарного народа, их голоса не могут заглушить ни клевета, ни смерть... Смерть, какова бы она ни была, как бы заново рождает творца, принося с собой подлинную оценку его трудов, начиная его бессмертие. Единственная реальность, над которой смерть не властвует, — память народа, запечатлевшая облик и труд человека».

Но вернемся к театру. И на этот раз не к армянскому, а к русскому, носящему в Ереване прекрасное

тура. И немудрено, что Ереванский русский театр временами не выдерживает такой «конкуренции». Однако же он стремится, в силу своих возможностей, оправдать надежды друзей-зрителей, а их у него немало, как среди русских, так и среди армян и других национальностей, населяющих большой город Ереван.

Особенно, как мне показало, это стремление заметно сейчас, когда главным режиссером стал молодой А. Григорян. В его постановке я видел хорошие спектакли, интересные по замыслу и последовательно воплощенные артистами разных талантов, составивших единый творческий ансамбль усилиями постановщика.

В комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» А. Григорян проявил живое ощущение как классической пьесы, так и современных к ней требований. Отнюдь не модернизируя ее героев, режиссер представил их в облике достаточно свежем, чтобы не отнестись все богатство содержания пьесы исключительно к прошлому, к давним временам.

В «душе» спектакля, Глумова, каким его представил Г. Коротков, видишь и порождение эпохи, и «перспективу» в современность. Ах, как обольстителен этот ловкий молодой

затянуть тем, чем они не могут быть, порождает необходимость в Глумовых, без которых трудно создать внешний декорум давно слинявшим фигурам.

Взаимобусловленность — вот механизм сплеления Глумова с остальными. Он нужен им не меньше, чем они ему: это видно с самого начала, отсюда и закономерность финала, правда, не того, что сочинил режиссер, когда, уведя Глумова через зрительный зал, возвратил его на сцену из-за кулис в камергерском мундире, заставив остальных согнуться перед сляпанным плутом...

В «Городе ветров» есть за что упрекнуть режиссера, но ведь и пьеса В. Киришона — сейчас это видно — недостаточно совершенна, хотя многое в ней волнует до сих пор. Театр сделал свой вариант — лучший, поскольку введенные в спектакль стихи Маяковского, Чаренца, Теряна и Аюбяна укрепляют поэтический строй пьесы, сблизжают ее действие с сегодняшним днем; худший — потому что купюры в известной мере нарушают историческую логику и сложную диалектику бакинской трагедии.

Но главная помеха художественному равновесию спектакля в том, что в труппе Ереванского русского